

Г. А. Праздников¹СМЫСЛОПОСТИЖЕНИЕ БЫТИЯ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Идея глобальности мира прокладывала себе дорогу на протяжении всей человеческой истории. Однако только в XX веке мир открылся одновременно и в общечеловеческой целостности, и в поражающем воображение многообразии. Вместе с тем одной из острейших проблем времени стали практические и теоретические попытки унифицировать многообразие мирового развития (*одна культура, одна религия, одно искусство*): «Нельзя... сбрасывать со счетов *простую возможность создания гомогенной культурной среды*»² (курсив мой. — Г. П.).

Один из реальных вызовов глобального мира национальной идентичности России (как и других стран) — утрата ими культурной самобытности, духовного своеобразия. Пожалуй, самый неудачный социальный прогноз XIX века на грядущий XX век — предполагаемое «умирание» наций, растворенных в «общем» человечестве. Национальная проблема не только не была снята, но оказалась одной из самых болезненных для современного мира.

В современной глобальной цивилизации огромное количество людей живут в поликультурном мире, переживая одновременное воздействие многих культур и сложные результаты их взаимосвязей и взаимоотношений. Вместе с тем этот синтез объединяет реалии со своим особым внутренним смыслом и вполне различимым внешним обликом. Разные культуры нуждаются друг в друге — каждая для самой себя и каждая для существования целого, развивающегося «через неравнозначия» — «быть вместе и быть врозь» (М. Гефтер). Посвятивший всю свою многолетнюю жизнь исследованию русской культуры Д. С. Лихачев никогда не мыслил ее отдельно от культуры мировой, но всегда понимал отношение общечеловеческого и национального как плодотворное взаимодействие: «Что мы взяли у других и что мы сами дали?»³. Культура глобального мира — это всемирность дополняющих друг друга национальных культур, отражающих и сохраняющих духовный и душевный склад своего народа, его традиции, долговременные жизненные ценности.

Хемингуэй, пытаясь вспомнить всех, кто оказал влияние на его жизнь и работу, составляет длинные списки писателей, живописцев, композиторов разных эпох и стран, у которых он учился «видеть, слышать, думать, чувствовать и писать»⁴. Однако обостренное

внимание к нравственным задачам литературы он связывает со школой русских писателей: «Сначала русские, а потом все остальные, но долгое время только русские»⁵.

Т. Манн устами героя новеллы «Тонио Крегер» называет русскую литературу святой и такое отношение к ней пронесит через всю жизнь. Эти оценки ни в малой степени не снижают значение великих литератур Англии, Германии, Франции... И, тем не менее, «святая английская» или «святая французская» литература — непроницаемые словосочетания.

Обсуждая проблемность искусства в статье «Три вопроса» (1908), из вопросов «что», «как» и «зачем» А. Блок особо выделяет последний — «самый соблазнительный, самый опасный, но и самый русский вопрос», где речь идет «о долге, о должном и не должном в искусстве» и «не об одном искусстве, а еще и о жизни»⁶. От русской культуры пошла понимание и переживание неотделимости художника от гражданина, политики — от этики, общественного — от личного, художественной и философской жизни от разнонаправленного и трудного человеческого бытия.

Творческое поведение художника определяется не только абстрактно-теоретическим мировоззрением или искренностью намерений, но и *жизненно-эстетической позицией*. Самое существенное в этой позиции то, что она одновременно над жизнью (осмысливает ее) и в самой жизни. Это устойчивая жизненная стратегия — «воплощающийся принцип» (Гегель), «самостоянье человека» (Пушкин), мироотношение, явленное в поведении (поведением). Это не теоретическое суждение о смысле жизни, но *само смысложизненное бытие как «ответственное поступление»* (Бахтин). Обретенная искусством полнота человеческих отношений к миру предполагает «всего человека», ориентированного на общечеловеческие цели и осуществляющего в творчестве не только эстетическую, но и смысложизненную программу. «Единство обманяния», «единство ответственности» (М. М. Бахтин) искусства за жизнь и жизни за искусство — вот нравственное основание творчества. Ни в коем случае не тождество — Блок предупреждал об этой опасности, призывал к «духовной диете»⁷, а М. Мамардашвили теургическую идею, согласно которой жизнь превращается в некий художественный акт, считал опасной, разрушительной. Однако он же совершенно замечательно толковал искусство «не как нечто внешнее, какое-то профессиональное добавление к жизни, а как часть самой жизни... живя, мы занимаемся литературой, даже не зная об этом, и занимаясь ею, может быть, живем как-то иначе...»⁸

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург), кандидат философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Культура в пространстве жизни», «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Искусство и спорт» и др. Почетный профессор СПбГУП.

² Лехтер М., Лэнгри Ч. Культура на перепутье. М., 2003. С. 37.

³ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С. 148.

⁴ Хемингуэй Э. Старый газетчик пишет... // Художественная публицистика. М., 1983. Т. 4. С. 238.

⁵ Хемингуэй Э. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1982. Т. 4. С. 238.

⁶ Блок А. Об искусстве. М., 1980. С. 95, 96, 98.

⁷ Блок А. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1960–1963. Т. 5. С. 436.

⁸ Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995. С. 301.

Выдающийся философ говорит об изменившемся опыте, именно об *опыте*, освоив который мы выходим *иными* из пережитой ситуации — иначе понимаем себя и мир, по-другому ориентируемся в нем. Искусство дает такую возможность. Оно делает это опосредованно, как феномен, обладающий собственным бытием, однако неотделимым от микрокосма человеческой жизни и макрокосма мира. Искусство — не только модель и образ этого мира, но и форма деятельного превращения бытия в *человеческий мир*, и форма *приобщения* к нему. Эту его функцию можно определить как *жизненно-экзистенциальный смысл искусства*.

Максимальная интенсивность переживания, возникающая в процессе творчества, часто требует колоссальной затраты реальных жизненных сил, расходуемых не только на создаваемое произведение, но и на его жизненный контекст, вернее на переживание их жизненно-игрового единства. Эта сложная противоречивая общность требует не только специальных способностей сочинять, рисовать, строить мизансцены, но и всего человека — целостного и ответственного. С полной убежденностью, неопровержимо удостоверенной собственным творчеством, А. Платонов даже не призывал, а констатировал: «Писать не талантом, а человечностью — прямым чувством жизни»¹.

Такое понимание творчества исключает всякое своевольничанье, но предполагает глубинное переживание своей деятельности и хотя бы попытку осознать, чем ты занимаешься и зачем. Это постижение правды, истины мира необходимо прежде всего самому художнику, он сам все должен осознать и пережить, выстрадать и одолеть, когда пережитое станет не вещательным материалом, а интимной установкой души, преображенной в сложное единство нового жизненного опыта. В творческий процесс вступает не «некто», а живой,

конкретный человек с экзистенциально-нравственным опытом прожитой жизни. Потому — внутренняя уверенность в правоте, без которой немислимо творчество, убежденность не просто в уместности произведения, а в обязательности, необходимости созданного.

Цели искусства хорошо сформулировал А. Блок в своей речи «О назначении поэта», произнесенной в Доме литераторов в годовщину смерти Пушкина: «внести гармонию во внешний мир»². Эта мысль выражена предельно ясно, она свободна от туманностей символистской риторики отдельных фрагментов блоковского текста. Уравновешивание человека с социумом, резонирование человеческой единичности (единственности!) с целым универсумом, гармоничное (по возможности) обживание сложнейших нравственных ситуаций...

В русской духовной культуре с удивительной силой и глубиной была недвусмысленно явлена жизненно-созидательная направленность творчества: «Художественное произведение есть плод любви» (Л. Толстой). В мировой культуре при всем, казалось бы, непреодолимом различии художественных явлений все отчетливее обнаруживается общность неких силовых линий, стягивавших их к единой цели — сохранению и развитию целостности человеческого бытия. Эту цель (повторимся еще раз) можно определить как *нравственный смысл творчества*, ибо всякая деятельность производит не только среду (в предельно широком ее понимании), но и самого человека, собственно *человечность*.

Humanitas, человечность — равно сущностная характеристика человека и оценочный критерий его развития. В качестве таковой она все явственнее утверждается как важнейшая нравственная универсалия глобализации.

¹ Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. М., 1990. С. 10.

² Блок А. Об искусстве. С. 154.